

ПЕРЕВОДЫ

УДК 141.2 + 316.462 + 94(3):81'25

Дион Хрисостом

О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ*

Первый перевод на русский язык речи Диона Хрисостома, который наставляет императора Траяна, показывая противоположность истинной монархической власти и власти тиранической. В духе кинической философии покровителем справедливых правителей представлен Геракл.

Ключевые слова: царская власть (монархическая), тираническая власть.

[1, 1] Говорят, что когда-то флейтист Тимофей, впервые представляемый царю Александру, играл на флейте весьма умело и изящно не нежный напев для флейты, и не протяжный, и не для расслабления и успокоения ценителей [флейты], но тот самый, я думаю, правильно называемый ладом Афины. (2) И [говорят, что] Александр тотчас бросился к оружию подобно воодушевленным [к бою]. Так сильно он [был] возбужден звучной (μουσικῆς) песней и стройностью игры на флейте. Но причиной этого [все же стала] не столько сила искусства (τῆς μουσικῆς), сколько мощный и пылкий дух (δίαινοια) царя. (3) [Ведь] Сарданапалла¹ никогда бы не поднял с ложа и от женщин не только Тимофей или другой какой-нибудь из более молодых [флейтистов], но [даже] сам Марсий² или Олимп³. А мне-то кажется, что если [бы и] Афина, если [это] возможно, сыграла свой напев, [то и] тогда бы он не схватился за оружие, но,

* Дион Хрисостом (Златоуст) из Прусы (I – начало II в. н. э.), ритор кинико-стоического направления мысли. Здесь представлена первая из его четырех речей о царской власти [1,0] PERI BASILEIAS, посвященных императору Траяну. Перевод сделан по текстам на сайте [5] – греческий оригинал и английский перевод (здесь и далее все примечания сделаны переводчиком).

¹ Assur-bani-pal, царь Ассирии (VII в. до н. э.).

² Мифический музыкант, соревновавшийся в игре на флейте с Аполлоном.

³ Легендарный греческий музыкант VIII в. до н. э.

встав, скорее всего заметался бы или убежал: столь жалок он был при [его] могуществе и роскоши. (4) Итак, и мы соответственно не хуже мужа-флейтиста занимаемся своим делом и не хуже, чем он играет [на флейте], находим мужественные и умные слова,

[1, 5] да и применяемые еще не к одному обороту [речи], но именно, и суровые и ласковые, и воинственные, и миролюбивые, и относящиеся к законам, и касающиеся сущности царской власти, для желающего быть, как я думаю, мужественным и законопослушным правителем, нуждающимся, с одной стороны, в большой отваге, с другой — и в большой снисходительности [к людям]. (6) Вот и Тимофей, даже если он умел играть какой-нибудь воинственный напев, также полагал, что игра на флейте делала душу справедливой, и рассудительной, и благоразумной, и властителя (*δυνάμενον*) человеколюбивым, [дабы] они не устремлялись не только к оружию, но и к миру и согласию, и почитанию богов, и к заботе о людях. Вследствие всего этого он был достоин и присутствовать у Александра, и наигрывать [ему] на флейте, не только воспламеняющемуся, (7) но и в других обстоятельствах, [а именно], когда бы [ему] случилось [быть] или нескончаемо печальщимся о заслугах и достоинстве, или придерживающимся [чего-либо] более сурового, чем установленное обычаем и справедливостью, или сердящимся на своих друзей и товарищей, или свысока смотрящим на смертных и [своих] достоверных родителей⁴. (8) Однако ведь не всякое исцеление и не полную помощь нравам способна оказать мусическая наука и навык [игры], ибо, действительно, как говорит поэт⁵,

«[Даже] и Асклепиадам этого же не дал бог».

[Способно к этому] единственно слово умных и мудрых [мужей], многие из которых родились раньше их — не имеющий недостатков и совершенный руководитель и помогающий [людям] податливой и доброй природы, побуждающий ко всякой добродетели и пристойно воспитывающий. (9) Какое бы, таким образом, времяпрепровождение казалось подобающим и достойным твоего усердия, и откуда бы мы добыли до такой степени совершенное слово, [мы], мужи-скитальцы, и сами достигшие мудрости, весьма способные большей частью радоваться делам и трудам, вновь и вновь произносящие слова ради увещевания для самих [себя] и встречающихся всякий раз других [людей]? [Мы добыли бы его], как поднимающие и переносящие нелегкий груз [люди, которые размеренно] вскрикивают и тихо напевают, облегчая [свой] труд, сущие работники, [а] не певцы какие-нибудь и не сочинители песен.

[1, 10] [Есть] много слов, принятых философией (*κατὰ φιλοσοφίαν*), и все [они] достойны [наших] ушей и имеют удивительную пользу для внимательно слушающих. Вот и нужно найти и поблизости и наилучшим образом воспринимающего [эти слова] и призвать Пейтхо⁶, и Муз, и Аполлона, чтобы как можно усерднее изложить [вопрос]. (11) Ну так давайте [и] поговорим, охватывая вкратце, насколько возможно, и о нраве и об образе отличного (*χρηστοῦ*) царя,

⁴ Намек на мнение о божественном происхождении Александра.

⁵ Феогнид из Мегары, 432 (VI в. до н. э.). Также см. [1].

⁶ Убеждение, богиня убеждения и красноречия.

«Которому Зевс прозорливый

Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими» [2, 205–206].

(12) Вообще же вот Гомер [наряду] со многим другим прекрасно, [как] мне кажется, сказал [еще] и о том, что не все имеют от Зевса скипетр и эту самую власть, но только хороший [человек], и [он имеет их] не по какому-нибудь иному праву (*δικαίως*), как по тому, что он советуется и заботится о [своих] подвластных, (13) так что он не становится распущенным и расточителем, полным безрассудства, и надменности, и высокомерия, и всякого беззакония — [а ведь] из-за всего этого самого душу потрясают влечения, и печали, и страхи, и наслаждения, и всяческие желания — но [он становится], как [тот], кто обращает внимание на себя самого и на [своих] подданных, сделавшись, по сути, пастырем и вождем народов, [а] не угощающим и пирующим [за чужой счет], как кто-то сказал⁷. Среди же прочего он посчитал бы подобающим не спать самому на протяжении целой ночи, чтобы имеющийся у него досуг не был праздным⁸. (14) Ведь о том самом говорит и Гомер [весьма] сходно с другими мудрыми и справедливыми мужами, что никто дурной, и невоздержанный, и корыстолюбивый не становился когда-либо ни сам способным владеть собой, ни господином кого-либо из других [людей], и не будет когда-либо такой [человек] царем, [даже если] бы [этого] не говорили все: [и] эллины, и варвары, и мужчины и женщины, и [даже если] бы им восхищались и слушали бы [его] не только люди, но и, несколько не меньше людей, птицы летающие и звери в горах, и [даже если] бы он согласился [быть царем] и делал бы распоряжения.

[1, 15] Итак, давайте выскажемся в поддержку Гомера и истинного (*τῆ ἀληθείᾳ*) царя. Ведь это слово, высказываемое без лести или ругани, само по себе показывает [его] подобным хорошему [человеку] и одобряет [в том], насколько [он] является подобным ему, а неподобного [его хорошему человеку] позорит и бранит. Во-первых, вот [он — человек], не забывающий (*ἐπιμελής*) о богах и почитающий божественную силу (*δαμόνιον*), ибо невозможно, чтобы справедливый и добрый муж больше доверял [кому-то] другому, чем справедливейшим и превосходнейшим богам. (16) А когда кто-нибудь, будучи плохим [человеком], считает, что нравится богам, он, согласно этому самому, изначально не является благочестивым, ибо признал божество или безрассудным, или порочным. После же богов [добрый муж] заботится о людях, (17) почитая и любя хороших, но опекая всех. Кто вот больше, чем пасущий, заботится о стаде коров? Кто полезнее и лучше для стад, чем пастух? Кто же больший любитель коней, чем хозяин (*ἄρχωντος*) многих лошадей, имеющий от них много пользы? (18) Кто же, таким образом, по справедливости является человеколюбивым, как [не тот], кто является властителем многих людей, а также более всего вызывает восхищение с их стороны? Ужасно ведь, если бы владельцы (*ἄρχοντες*) чужеродных [нам] и диких зверей были более благоволящими к [своим] подвластным,

⁷ Сходным образом Платон говорит о тех, кто не радует о пользе граждан (см. [4]).

⁸ Подобное суждение есть у Гомера: «Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета, Коему вверено столько народа и столько заботы!» [2, 24–25].

чем царствующий над кроткими и однородными [ему] людьми. (19) И конечно, больше всего стада и любят, и слушаются пастухов, а лошади — возниц; собаки же и охраняют, и любят охотников, и [вообще все] прочее подвластное таким [же] образом любит [своих] начальников.

[1, 20] Как в самом деле допустимо, чтобы неразумные и несведущие [существа] знали и любили заботящихся [о них], а самое понятливое из всех [существ] и наиболее знающее о воздаянии благодарностью не понимало [этого] и [даже] замышляло [зло против них]? А ведь необходимо, чтобы люди не только любили, но и почитали кроткого и человеколюбивого царя. Видя это самое и будучи таким по [своей] природе, он показывает всем [свою] милостивую и ласковую душу, полагающий всех [людей] преданными [ему] и друзьями. (21) И потому вот он считает, что во время управления [у него] должно быть больше не денег и не наслаждений, а забот и дум. Так что он является и более трудолюбивым, чем многие сластолюбцы и сребролюбцы [из] иных [правителей]. Ведь он знает, что, с одной стороны, наслаждения и оскверняют [своих] вечных приверженцев, быстро делают [их] неспособными к ним, с другой же стороны, труды и приносят пользу, и всегда позволяют сделать [людей еще] более способными [к ним]. (22) Таким образом, одному ему можно называть [своих] воинов соратниками, знакомых — друзьями, не осмеивая имени дружбы. Отцом же сограждан и управляемых он называется не только по рассказам, но это показывают [его] труды. И он не радуется, называемый господином не только свободных [граждан], но даже рабов.

(23) Ибо он не считает, что царствовать ради себя самого, одного существа, лучше, чем [ради] всех людей. И поэтому он, благодетельствующий, радуется больше облагодетельствованных [им], и в одной этой радости он ненасытен. Притом [многие] иные [дела] царской власти он по обычаю признал необходимыми, и только [дело] благотворительности — и добровольным и радостным. (24) И он является самым щедрым на блага, как будто они никогда не иссякнут, а по [своей] природе он способен сделаться виновником зла [еще] менее, чем солнце — тьмы. Поэтому видящие [его] и встречавшиеся [с ним] не хотят покидать [его], а слышащие [о нем] желают видеть [его] скорее, чем дети найти неизвестных отцов.

[1, 25] Итак, враги его боятся, и ни один [человек] не соглашается быть [его] врагом, друзья же отважны, и [все его] самые приближенные (ἐγγυῶδες) считают, что из всех [людей] они являются наиболее защищенными⁹. Приходящих же [к нему] и видящих [его] охватывает не испуг и не страх, но благоговение много сильнее и крепче страха. Ведь так судьба распоряжается, что боящиеся [его] ненавидят и убегают, а благоговеющие [перед ним] остаются [у него] и восхищаются [им]. (26) Итак, простоту и правдивость он полагает свойственными царю и разумному [человеку], а коварство и обман — свойствами нера-

⁹ После этих слов следует часть текста, которую издатель заключил в фигурные скобки, а английский переводчик выпустил: «В противоположность ему, дурному [правителю] свойственно врагам прибавлять смелости, а друзей и приближенных отпугивать и устрашать. С другой стороны, убедительно просящих именно кроткого и безвредного [правителя] он оставляет жить».

зумного [человека] и раба, замечая, что и из зверей самые боязливые и неблагородные — это те, [которые] больше всех и обманывают, и изворачиваются. (27) Будучи по природе честолюбивым и видя, что люди от природы склонны чтить добропорядочных, он [все же] меньше надеялся бы быть почитаемым со стороны принужденных [к этому], чем достигнуть дружбы с ненавидящими [его]. И воинственным он является в той мере, в какой от него зависит воевать, и миролюбивым в той мере, в какой для него не остается ничего, стоящего сражения. Ибо, конечно, он знает и то, что у них, прекраснейшим образом подготовленных воевать, есть возможность более всего соблюдать мир. (28) По [своей] природе он является также любящим товарищей, и граждан, и, равным образом, [своих] воинов. Ведь кто-нибудь, презирающий служащих в войске, и никогда вообще [не видел], или видел [очень] редко, подвергающихся опасности и терпящих страдание ради [его] власти, [и] всегда льстит бесполезной и безоружной черни, [и] именно в его случае, [это] подобно [тому], как если бы пастух не знал сторожащих у него собак, и пищу бы им не протягивал, и не бодрствовал бы вместе с ними, когда они сторожат. Ведь он не только зверей, но и собак поощряет не щадить стада. (29) С другой стороны, кто нежит воинов, не упражняя [их] и не побуждая переносить трудности, а о других людях не позаботился, [тот] подобен кормчему, портящему моряков обжорством или дневным сном и совершенно не думающему о [людях], сидящих на гибнущем корабле.

[1, 30] Но если бы кто-нибудь держался в этом [отношении] надлежащей меры, однако не почитал бы близких ему и называемых друзьями [людей] и не присматривал бы за тем, чтобы они казались всем счастливыми и завидными, то он [словно] не замечает, что становится предателем самого себя и своей державы, что делает [своих] действительных друзей слабодушными, что из других же [людей] никто не желает его дружбы, что, [в конце концов], он лишает себя самого прекраснейшего и полезнейшего приобретения — дружбы. (31) Ибо кто более не ленивый трудиться, если бы был [для этого] надлежащий случай, чем друг? Кто более готов радоваться в счастье? От кого еще похвала более приятна, чем от друзей? От кого же правдивое [слово] менее печально? Какая же охрана, какие укрепления, какое оружие надежнее и лучше, чем охрана со стороны благоразумных [друзей]? (32) Ведь кто-нибудь, скольких бы он приобрел товарищей, столькими глазами видит, что хочет; столькими же ушами слышит, что нужно; столькими также умами рассуждает о [своих] выгодах. Ибо это не отличается [от того], как если [бы] бог дал ему, имеющему одно тело, много душ [и притом] все, пекущиеся о нем. (33) Но здесь, опустив многое, я сказал бы об очевиднейшем признаке: тот является дельным царем, которого добропорядочные мужи, восхваляя, не стыдятся ни в настоящее время, ни в последующее. И конечно, и он сам не любит похвал от ремесленников и завсегдатаев торговой площади, но [любит похвалы] от свободных и родовитых [людей], для которых недостойно жить, обманывая.

(34) Кто бы не посчитал счастливым такого мужа и [такую] жизнь? {Как не прийти [тогда] к нему желающим увидеть его и воспользоваться [его] прекрасным

и добрым расположением духа (διανοίας)? Какое еще зрелище более почтенно, чем [зрелище] благородного и трудолюбивого царя? Что более приятно, чем кроткий и дружественный [царь], заботящийся, чтобы сделать всем хорошо, да и способный [сделать это] для всех?

[1, 35] Что же более полезно, чем беспристрастный и справедливый [царь]?¹⁰ Так, чья жизнь более безопасна, чем [того], кого все охраняют подобным образом? Чья вот более приятна, чем не делающего никого враждебным [себе]? Чья же более беспечальна, чем не имеющего за собой вины (αἰτιόσασθαι)? Кто же счастливее того мужа, который, будучи добропорядочным, не остается никем не замеченным (οὐδένα λαμβάνει)? (36) Это вот я таким образом, без околичностей, высказал о благом царе. Если же, кажется, что-нибудь из этого присуще тебе¹¹, то [ты] сам счастлив по [своей] справедливой и доброй природе, а мы счастливы [как] соучаствующие [в ней]. (37) После же этого, ныне сказанного, слова я уже хотел [бы] перейти к величайшему и первому царю и правителю, которому смертным и управляющим делами смертных нужно всегда подражать (μιμούμενους) [в том], чтобы быть заботливыми, исправляя и сравнивая с ним, насколько [это] возможно, свои нравы. (38) Поэтому ведь и Гомер говорит, что истинные (ἀληθῶς) цари являются питомцами Зевса и подобными Зевсу советом, и [еще] сказал, что Минос, имеющий величайшую славу за [свою] справедливость, сделался собеседником Зевса. И почти сколько ни родилось когда-либо у эллинов и варваров царей, не недостойных получить это звание, их [данная] речь показывает учениками и приверженцами этого бога. (39) Ибо Зевс, единственный отец богов и царь, называется и Покровителем, и Дружественным, и Товарищеским, и Родовым, сверх того — Защитником, и Уберегающим, и Гостеприимным, {имея} и другие бесчисленные прозвища, все добрые [причины] и причины [всего] доброго.

[1, 40] Так, царем он назван согласно [его] власти и могуществу; отцом же, я думаю, — вследствие [его] заботы и ласки; Покровителем — по [данному им] закону и общественной пользе; Родовым — вследствие общности рода богов и людей; Дружественным и Товарищеским — потому что сближает всех людей и желает, чтобы они были друг другу приятелями, (41) а ненавистным или враждебным никто никому [не был]; Защитником — как внемлющий и благосклонный ко [всем] нуждающимся; Уберегающим — вследствие избавления от зол, а Гостеприимным — потому что и поскольку [он] — начало дружбы, и не пренебрегает гостями, и не считает чужим ни одного из людей; Покровителем же имущества и Плодоносным — так как [он] причина плодов и податель богатства и имущества, [а] не бедности и недостатка, так что необходимо, чтобы все эти [его] способности безоговорочно принадлежали способности и званию царя. (42) Тут подходяще сказать об управлении [со стороны] мира (τῶν ἔλων). Этот мир (τὸ ξύμπαν), сам благой (εὐδαίμων) и мудрый, всегда передвигается на протяжении беспредельного века непрерывно в беспредельных круговращении-

¹⁰ Фигурные скобки стоят в греческом оригинале.

¹¹ Далее перевод сделан в соответствии с указанием английского переводчика (см. note 13), что «to you» (soi) «Trajan is meant».

ях; благодаря [же своей] душе, доброй и подобной божеству, и промыслу, и начальствованию, самому справедливому и наилучшему, [он] делает нас подобными [себе], поставленными под [власть] единого (ἐνὶ) установления и закона согласно общей природе, его и нашей, и участвующими в этом самом государстве. (43) С одной стороны, один [является] почитающим его и охраняющим, ничего против [него] не делающим, законопослушным, любимым богами и соблюдающим порядок; с другой стороны, [есть] иной, потрясающий [его], насколько это возможно для него, и оскорбляющий, и не сведущий [в нем], беззаконный и бесчинный, как частный человек, так и называемый правителем. Однако пренебрежение [к нему] со стороны правителя [является] гораздо более значительным и более очевидным для всех. (44) Так вот, если бы кто-нибудь, как те полководцы и руководители войск, и городов, и народов, наиболее подражал твоему¹² направлению [мыслей] и оказался бы, насколько возможно, стремящимся сделать себя соответствующим твоим нравам, тот был бы для тебя самым приятным и самым любезным [человеком]. Если же кто-нибудь сделался бы противоположным [тебе] и непохожим [на тебя], то справедливо заслужил бы порицание и презрение и, быстро лишившийся самой власти, уступил бы [ее] другим, лучшим и способным лучше управлять.

[1, 45] Точно так же и [тот] из царей, имеющих, как я думаю, власть и полномочия от Зевса, который, взирая на него, распоряжался бы (κοσμή) и управлял согласно закону и постановлению Зевса справедливо и хорошо, получает прекрасную судьбу и благополучный конец. (46) А [тот], который грешил бы и позорил вверившего [ему] или давшего этот дар, не имел никакого плода от [своей] большой власти и могущества, кроме [того], что до такой степени одно то сделалось ясным всем, [и] при нем [живущим], и последующим, [что он] — дурное и распущенное существо (ῥῶν), повторившее известную по сказаниям участь Фаэтона, так как [тот] взошел на мощную и божественную колесницу вопреки судьбе, не являясь способным возницей. (47) Да и Гомер говорит [об этом же] примерно так. Кто сам был бы жестоким и жестокого (ἀπληγέα) привечал бы, тому, живому, все смертные желали бы в будущем беды, а над умершим все бы насмехались. А кто сам был бы безупречным и безупречного привечал бы, широкую славу того разносят, конечно, [его] гости повсеместно по людям, и многие называют его хорошим¹³. (48) Что же касается меня, [то], как я [уже] говорил, с наибольшим удовольствием и воодушевлением я бы сказал это вот слово о Зевсе и о природе вселенной (τοῦ παντός). Но так как [оно] является превосходящим все имеющееся [у меня] время и нуждающимся в более основательных доказательствах, возможно, когда-нибудь потом

¹² См. примеч. 12.

¹³ См. [3, XIX, 329–334]: Кто из людей сам жесток, жестоко поступает с другими,

Смертные все проклинаят такого, живому желают

В будущем горя, таким после смерти гнушаются люди.

Кто ж непорочен сам, хорошо поступает с другими,

Славу широкую гости разносят о нем повсеместно,

Многие люди его благородным зовут человеком (пер. П. А. Шуйского).

случится досуг, чтобы его произнести. (49) Так вот, если бы ты хотел услышать какое-нибудь сказание (μῦθον), но [еще] больше — священное и здоровое слово (λόγον), изрекаемое в виде сказания, то, может быть, тебе, обдумывающему [его] теперь и позже наедине с собой, не покажется неуместным то, что я когда-то слышал от женщины из Элиды¹⁴ или из Аркадии¹⁵, ведущей [речь] о Геракле.

[1, 50] Так вот, как-[то] случилось мне [быть] в изгнании, будучи некогда осужденным. И я испытал большую благодарность к богам [за то], что они не допустили, чтобы я сделался свидетелем многих и несправедливых деяний. Таким образом, я прошел, как мог, многие земли в одежде и платье нищего, то среди эллинов, то среди варваров, просящий куски, [а] не мечи и не сосуды¹⁶. И уже когда я пришел в Пелопоннес, я не очень-то шел городами, (51) а [больше] проводил [время] в [сельской] местности, как заслуживающей ознакомления (ἱστορίαν), общаясь с пастухами и охотниками, [знакомясь] с обычаями, полными достоинства и [в то же время] простыми. (52) И вот, как-то идущий из Гереи¹⁷ в Пису¹⁸ около Алфея¹⁹, я, [еще] до [того как] встретил [хотя бы] кого-нибудь на пути, наткнулся между тем в каком-то лесу и на неровную местность, и на многие тропинки, ведущие к каким-то стадам быков и стадам [овец], [но], ни с кем не встречаясь и не имея возможности спросить, продолжаю блуждать и [так] проскитался до самого полудня. И тут я, видя на какой-то возвышенности скопление дубов — какую-то священную рощу, понесся [к ней], надеясь увидеть оттуда какую-нибудь дорогу или жилище. (53) И вот, я нахожу [там] какие-то кое-как сложенные камни, и развешенные шкуры жертвенных животных, и дубины, и посохи, как [мне] показалось, — приношения каких-нибудь пастухов, а немного дальше — сидящую женщину, могучую и крупную, почтенного возраста, притом одетую в деревенское платье; косы же какие-то седые она распустила. (54) Ее обо всем этом я расспрашиваю. И она, говоря на дорийском наречии, очень приветливо и радушно сообщила об этом месте, что оно будто бы было посвящено Гераклу, и о [себе] самой, — что будто бы у нее был сын-пастух, да и она сама часто пасла скот; что она владеет искусством прорицания, данным [ей] Матерью богов²⁰, и в ней нуждаются все соседние пастухи и земледельцы для [предсказания] рождения и сохранения плодов и скота.

[1, 55] «И ты пришел, — сказала она, — в это вот место не без божественного предопределения, ибо я не позволю, чтобы ты ушел [от меня] без проку». И после этого она тотчас предсказала, что у меня не будет долговременных скитаний и бедствий. «Ни у тебя, — сказала она, — ни у других людей». (56) Это она говорила совсем не [так], как многие из так называемых боговдохновенных

¹⁴ Элида — область в восточном Пелопоннесе.

¹⁵ Аркадия — гористая область в центре Пелопоннеса.

¹⁶ См. [3, XVII, 222]: «Крохи одни ему подают, не мечи, не сосуды» (пер. П. А. Шуйского).

¹⁷ Город в Аркадии.

¹⁸ Город в Элиде.

¹⁹ Река, на берегах которой располагались названные города.

²⁰ Малоазийское божество — Великая Мать, Кибела.

мужчин и женщин, тяжело дыша, и вращая головой, и стараясь устрашающе смотреть, но очень сдержанно и рассудительно. «Некогда ты встретишься, — сказала она, — с могущественным мужем, правящим весьма обширной страной и [многими] людьми»²¹. [И в этом случае] ты нисколько не медли рассказать [ему] это вот сказание, даже если бы кто-нибудь и вознамерился презирать тебя как болтуна и заблуждающегося (πλάνητος). (57) Ведь слова и все мудрствования (σοφίσματα) людей не стоят ничего в сравнении с вдохновением и речью, [полученными] от богов. Ибо [все те] слова о богах и вселенной (σὺμπαντος), какие ни [считаются] мудрыми и истинными среди людей, некогда зародились в душе людей никак не без божественной воли и судьбы через [посредство] первых пророчествующих и божественных мужей. (58) Так, говорят, [например], что во Фракии родился некий Орфей, сын Музы; а другой, будучи пастухом, слушал самих Муз на какой-то горе [в] Беотии²². [Те] же, которые без божественного исступления и вдохновения сами по себе давали жизнь каким-нибудь повествованиям (λόγους) в качестве истинных, [были людьми] негодными и порочными. Так вот, слушай это сказание, полностью собравшись и прилагая [все свое] внимание, чтобы [затем], припомнив [его], ты оповестил [о нем] того [человека], с которым, я говорю, ты встретишься. [А сейчас] — о том боге, у которого мы теперь находимся. (59) Итак, он был, как говорят все, сыном Зевса от Алкмены, царем не только Аргоса, но и всей Эллады. Многие об этом не знали, но, потому что он отсутствовал, защищая и охраняя державу, говорят, что тогда царствовал Еврисфей²³. Это вот ими говорится попусту.

[1, 60] [На деле] же он был царем не только Эллады, но правил всей землей от восхода до заката солнца и всеми людьми, (61) у которых есть святилища Геракла. Он был также и просто воспитан: не изворотливым (πολυτρόπος) и не наполненным (περιττως) мудрствованиями (σοφίσματα) и коварством злонамеренных людей. Говорят о Геракле еще и то, что он ходил нагой, имея только львиную [шкуру] и палицу. (62) Также и то они говорят, что он совсем не приобретал ни золота, ни серебра, ни нарядов (ἔσθητα), но [из] всего не признавал ценным ничего, за исключением [того], чтобы одаривать [людей] и угрождать [им]. И действительно, многим он дарил не только несметные богатства и земли, и стада лошадей и коров, но и целые царства и города. Ибо он верил, что все принадлежит ему, и ничто [не является для него] чужим [имуществом], и что к дарившим приходит благорасположение получивших [подарки]. (63) Но нет, право, неистинно говорят то, что он вот один, без войска, обошел [земли]. Ибо невозможно [одному], без [военной] мощи, и города отнимать, и {людей}-тираннов уничтожать, и всеми повсюду повелевать. Говорили еще, что он был работник, и бодрый душой, и достаточно сильный телом (σῶμα), и лучше всех трудился, что он сам один ходит и делает все, что он желал бы. (64)

²¹ Женщина предрекает Диону встречу с императором Траяном.

²² В этих словах видят указание на Лина.

²³ Далее в английском переводе опущены слова: «который был из всех самым трудолюбивым и гораздо могущественнее тамошних [правителей]».

И конечно, его отец именно в отношении этого проявлял большую заботу, ниспосылая [ему]²⁴ добрые порывы и ведя [его] в сообщество хороших людей. Он давал [ему] также знамения и через птиц, и посредством [жертвенных] огней, и посредством всякого [рода] гадания в каждом отдельном случае.

[1, 65] Когда же он увидел, что тот желает править, не воздевая ни удовольствий, ни выгод, ради которых многие это [дело и] любят, но для того чтобы он мог многое и многим делать хорошо, [тогда он], зная его в сущности (οὐσαυ) благородную природу, однако же предполагая, сколь [много] было в нем смертного, и [предполагая также], что многие дурные примеры изнеженности и распущенности и многие [люди] [даже] имеющего хорошие природные задатки (πεφυκότα ὄρθως) вопреки его воле (ἄκοντα) далеко отклоняют от его природы и разума, послал, размышляющий об этом, Гермеса, приказав, что нужно делать. (66) Тот, прибывший в Фивы, где, будучи юным, воспитывался Геракл, объявил, кто он и от кого послан, и, взявши его [с собой], ведет по неизвестному и непроходимому для людей пути, пока он не пришел на какую-то вершину горы, отовсюду видимую и очень высокую, внешне страшно обрывистую, с отвесной крутизной и с глубоким ущельем текущей вокруг [нее] реки, издающей большой шум и гул, так что смотрящим снизу вверху видна [только] одна вершина [горы]. В действительности же было две [вершины] с одним основанием, и они значительно отстояли друг от друга. (67) [Одна] из них называлась царской вершиной, посвященной Зевсу-царю, другая же — тираннической, названной именем Тифона²⁵. Извне к ним вели два пути, {к каждой} — [свой]: царская [имела путь] надежный и широкий, так что по нему безопасно и беспрепятственно поднимался [даже] едущий на колеснице, если бы [на это] у него было позволение от величайшего из богов. Другая же [имела путь] узкий и извилистый, и опасный (βίαιον), так что многие, испытывающие его, погибают на крутых обрывах и в [речном] потоке, так как они, я думаю, идут против справедливости. (68) Итак, многим кажется, как я [уже] сказала, что они обе — одна [вершина] и притом приблизительно [одинаковы], так как они видят [их] издали. Однако же царская вершина возвышается настолько, что она находится выше облаков в самом чистом и светлом воздухе. А другая [вершина] — гораздо ниже, темная и мрачная; вокруг нее весьма большое скопище облаков. (69) Итак, ведущий [его] туда Гермес показал [ему] сущность (φύσιν) [этой] местности. И когда Геракл, как [человек] молодой и честолюбивый, проявляет желание посмотреть находящееся внутри [ее], он говорит: «Так следуй [за мной], чтобы и ты ясно увидел [ее] отличие от других, которое является незаметным для неразумных».

[1, 70] И он указал ему сперва на женщину, сидящую на сверкающем троне на большей вершине, миловидную и статную, наряженную в белые одежды, держащую скипетр, не золотой и не серебряный, но из другого вещества (φύσειως), светлого и гораздо более блестящего. Такой преимущественно рисуют Геру. (71) А лицо [у нее —] улыбочивое и вместе с тем величественное, так что все

²⁴ Вставки «ему» и, далее, «его», сделаны на основании английского перевода.

²⁵ Титан; олицетворение разрушительных сил природы; родитель многих чудовищ.

хорошие [люди] не боялись, видя [ее]; ни один же плохой [человек] не мог [ее] видеть, подобно тому как [наш] слабый взор совершенно не [способен] смотреть на круг солнца. И притом выражение ее [лица всегда] оказывалось постоянным и одинаковым, и взгляд — внимательным. (72) Место же это наполняют великое благоговейное безмолвие и тихий покой. [Там] все было насыщено плодами и обильно размножившимися животными всякого рода. Находилось в этом [месте] также собранное в кучи неисчислимое золото, и серебро, и медь, и железо. Однако она совсем не обращала внимания на золото и не радовалась [ему], (73) но скорее [радовалась] плодам и животным. Видя ее, Геракл смутился и покраснел, почитающий и уважающий [ее], как хороший дитя благородную мать, и спросил Гермеса, кем из богов она является. И тот сказал: «Та, [что] перед тобой, — благое божество (δαίμων) Царская Власть (Βασιλεία), дитя Зевса-царя». Геракл же возрадовался и стал при ней смелее. И затем спросил о женщинах около нее. «Кто они такие? — сказал он. — Как они приятны, и статны, и мужественны [видом]!» (74) [Тот] сказал: «Эта вот, смотрящая на тебя и сурово, и ласково, сидящая справа, — Справедливость (Δίκη), блистающая выдающейся и ярчайшей красотой. Возле нее — Законность (Εὐνομία), очень [на нее] похожая и мало отличающаяся [от нее] видом.

[1, 75] В [свою] очередь, на другой стороне — женщина, весьма молодая, и роскошно наряженная, и беспечно (ἀλόπως) улыбающаяся. Ее зовут Мироносица (Εἰρήνην). А этот, ставший близко к Царской Власти, впереди, у самого скипетра, муж, седой и великий духом, зовется Закон (Νόμος). Он также называется и правильным разумением (λόγος), советником и помощником, без которого им не позволено ничего делать и [даже] обсуждать». (76) Так вот, слыша и видя это, он радовался и напрягал [свое] внимание, чтобы никогда их не забыть. Когда они, спускаясь отсюда, подошли к тираническому входу, [Гермес] сказал: «Давай посмотри и на другую [женщину]²⁶, к которой многие стремятся и из-за которой у них бывает множество всяческих злоключений (πράγματα): они убивают; [сами] страдают; дети часто строят козни родителям, и родители — детям; и братья — братьям, имея предметом желанья и считая счастьем величайшее зло — власть в соединении со своеволием (ἀνοίαις)». (77) И тут он сперва показал ему относящееся к входу, так что ясно обнаружился один [путь], и приблизительно такой же, о котором я раньше говорила, [а именно] — опасный и идущий у самого обрыва; [было] также много незаметных и невидимых проходов, и все место кругом прокопано и прорыто вплоть до самого, я думаю, трона, а все проходы и тропы испачканы кровью и заполнены мертвыми. Однако ни по одному из них [он] его не повел, но [повел по] более чистому наружному, как намеревающегося быть, я думаю, [только] зрителем. (78) После же того как они вошли, они попадают к Тиранической Власти (Τυραννίδα), достаточно высоко сидящей, подражающей и уподобляющей себя Царской Власти, [в основном] же, как она имела в обычае, с помощью гораздо более высокого и более пышного трона, имеющего еще и тысячи неких резных

²⁶ Вставка по английскому переводу.

украшений (γλυφῶς), и с накладкой из золота, и слоновой кости, и электра²⁷, и эбена²⁸, и расписанного всяческими красками. Однако же в основании этот трон был непрочный и не укрепленный, но трясущийся и проседающий. (79) Также и все другое [у нее] лежало в беспорядке, но ради всяческой славы, и хвастовства, и роскоши [было] много скипетров, много также тиар и диадем для головы. И еще вот, подражая нраву той, она вместо дружественной улыбки выдавливала язвительную и коварную, вместо величественного взгляда взирала угрюмым и суровым.

[1, 80] А чтобы казаться возвышенной духом, она не смотрела на приходящих, но взирала поверх [них] и пренебрегала [ими]. Из-за этого она сделалась всем ненавистой, а [сама же] она всех подозревала. И сидящая, она не могла быть спокойной: часто оглядывалась вокруг и непрестанно вскакивала с трона. Золото же она [то] позорно хранила за пазухой, а [то] выбрасывала назад, [чего-то] внезапно испугавшись; потом тотчас хватала то, что имел бы кто-нибудь из приходящих, притом [даже] самое малое. (81) Одежда же [у нее была] всяческая, частью пурпурных [цветов]²⁹, частью красных, частью шафранных. Однако некоторые из платьев казались ветхими, а многое из одежды было даже разорвано. Цвет [ее лица], боящейся, и тревожащейся, и подозревающей, и сердящейся, всячески изменялся, и она казалась то угнетенной от печали, а то приподнятой от радости; и одно мгновение она очень несдержанно смеялась [всем] лицом и тотчас опять плакала. (82) Около нее было также сборище женщин, несколько не похожих на тех, которые, я [уже] говорила, находятся около Царской Власти, а [таких, как] Жестокость (Ἐπιότης), и Дерзость (Ἰβρις), и Беззаконие (Ἄνομια), и Клика (Στάσις), которые все [вместе] развращали ее и самым порочным образом вели к гибели. А вместо Дружбы (Φιλία) [при ней] была Лесть (Κολακεία), раболепствующая и корыстная, злоумышляющая не меньше ни одной из них, но больше всех стремящаяся губить. (83) Когда же и на [все] это он достаточно насмотрелся, Гермес выведывает у него, какое бы из двух [видов ведения] дел и какая бы из двух женщин ему понравилась. «Все же, — сказал он, — я восхищаюсь и люблю ту другую [женщину], и мне кажется, что она истинно является богиней, достойной подражания и прославления. А эту, вторую, я именно считаю самой противной и самой скверной, так что с величайшей радостью согнал бы ее с этой скалы и удалил бы». Это вот Гермес похвалил и сообщил [о том] Зевсу. (84) И тот поручил ему царствовать над всем родом людей, как являющемуся способным [на это]. Поэтому, где бы ни увидел он тираннию и тиранна, он [это] карал и разрушал, как у эллинов, так и у варваров. Где же [он видел] царскую власть и царя, он [это] почитал и охранял», — [закончила она]³⁰.

И вследствие этого он является спасителем земли и людей, [но] не [в том смысле, я полагаю], что он отразил от них зверей: ибо и сколь великое что-

²⁷ Сплав золота и серебра.

²⁸ Черное дерево.

²⁹ Вставка по английскому переводу.

³⁰ Вставка сделана с учетом английского перевода.

нибудь повредил бы лев или дикая свинья?³¹ — а [в том смысле], что он исправлял грубых и дурных людей и разрушал и устранял самовластие высокомерных тираннов. Он и теперь все еще делает это и является для тебя помощником и стражем [твоей] власти, до тех пор пока тебе случилось бы быть царствующим.

Перевод с древнегреческого В. Т. Звиревича

-
1. *Доватур А. И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 159.
 2. *Гомер.* Илиада II / пер. Н. И. Гнедича. Л., 1990.
 3. *Гомер.* Одиссея. Свердловск, 1948.
 4. *Платон.* Государство, 345с, 421b.
 5. *Dio Chrysostom.* On Kingship [Электронный ресурс]. URL: <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/>

Рукопись поступила в редакцию 7 февраля 2012 г.

³¹ Среди подвигов Геракла — убийство Немейского льва и поимка Эримантского вепря.